

2207

К 170-летию великого русского критика

БЕЛИНСКИЙ И КОЛЬЦОВ

История знает много примеров настоящей дружбы между людьми. Маркс и Энгельс, Герцен и Огарев, Белинский и Кольцов. Во взаимоотношениях великого критика и поэта из Воронежа не было клятвы верности; их дружба — союз сердец и мыслей.

«Наука есть мое счастье» — восклицает юный Белинский в письме к матери. «Только труд может сделать человека счастливым, приводя его душу в ясность, гармонию...» — в свои 26 лет определил Белинский credo счастья.

— Неистовый! — вот эпитет, который навсегда закрепился за ним. О Белинском много написано, но далеко не все.

«Чтобы быть поэтом, надобно иметь отличные дарования, творческое воображение, творческую душу, чувства пламенные, темперамент горячий, характер раздражительный, пылкий; надобно уметь и мыслить и чувствовать особенным образом, видеть там много, где другие ничего не видят», — вот с каких позиций смотрел на поэзию В. Белинский. Это определенное было дано в письме к брату. Оно же стало мерилом и творчества А. В. Кольцова.

«Мне ужасно хотелось узнать, что за человек Белинский, и я очень обрадовался, узнав о приезде в Петербург А. В. Кольцова. Я знал, что Кольцов близок с Белинским...»

Я хотел отправиться отыскивать Кольцова, но в одно утро, очень скоро после своего приезда, он явился ко мне сам...

Разговор мой с Кольцовым начался прямо с Белинского. Он привез мне поклон от него. Кольцов, человек пронзительный и осторожный, умевший, как я узнал впоследствии, сдерживать себя и таивший перед петербургскими литераторами свои убеждения, заметив мой энтузиазм к Белинскому, заговорил со мною довольно откровенно.

— Да-с, Иван Иванович, Бе-

линский — единственный человек у нас в настоящее время, владеющий эстетическим вкусом и понимающий искусство. Его немногие ценят, особенно из ваших петербургских литераторов, — это очень жаль-с...

И какой светлый ум у этого человека! Какое горячее, благодарное сердце! Я обязан всем ему; он меня поставил на настоящую мою дорогу; без его советов я не решаюсь теперь печатать моих мараний: он мне говорит всегда, что нужно выкинуть, что исправить, что вовсе бросить. Уж он так добр ко мне, такое участие принимает во мне! — записал в свои «Литературные воспоминания» И. И. Панаев. Здесь многое сказано о дружбе творцов русской литературы Белинского и Кольцова.

В 1837 году В. Г. Белинский предпринял поездку на юг. Дорога пролегла через Воронеж. Краеведы теперь подробно знают, как это было. Но сам критик о том свидетельствует так: «...несмотря на скуку однообразной жизни, я никогда не замечал в себе такой сильной восприимчивости впечатлений изысканного, как во время моей дороги на Кавказ и пребывания в нем».

Имеем ли мы теперь право утверждать, что летняя дорога у Дона смогла очаровать поэтическую мысль Белинского наравне с картинами Кавказа? Вполне! Ведь Воронежские степи — это и песни Кольцова, которые очень любил Белинский. Он их чувствовал, знал, гордился ими.

«Я приехал в Москву 13 апреля 1839 г. — и на другой же день отправился к Белинскому. Вся умная и читающая молодежь была в это время увлечена его статьями.

...Я преодолел свою робость и заговорил с ним о нашем общем знакомом, поэте Кольцове. Белинский очень любил Кольцова.

— Ваши петербургские литераторы, — заметил Белинский мне, между прочим, с улыбкою, — принимали Кольцова

с высоты своего величия и с тоном покровительства, а он нарочно прикинулся перед ними смиренным и делал вид, что преклоняется перед их авторитетами; но он видел их насквозь, а им и в голову не приходило, что он над ними исподтишка подсмеивается», — так засвидетельствовал тот же И. И. Панаев в другой работе «Воспоминания о Белинском».

Вопрос о переезде Белинского в Петербург был решен. В ноябре 1839 года Белинский начал свою литературную деятельность на берегах Невы. И всюду его сопровождала мысль о творческой дружбе с поэтом Кольцовым.

Пусть не покажется вам, читатель, длинною цитата из «Воспоминаний» композитора Ю. К. Арнольда.

«Раз пришел я к Белинскому, как всегда, около полудня и застал у него гостя на вид лет под сорок; небольшого роста, с бледным худощавым лицом, русыми густыми волосами...

Это был поэт Кольцов; собственно-то, он был гораздо моложе, чем он казался, но от сердечного горя и от бедности он состарился раньше времени.

— Вот, Арнольд, — сказал Белинский, — вот у него берите стихи для написания музыки. Если поймете его да увидите под слово, я и впрямь вас почту за истого русака; но коли не потрафите, буду вас немцем звать, хотя бы вы там пожаловались на меня и целой сотне Бенкендорфов.

Я радостно согласился и просил назначить мне песню.

— Ну, Алексей Васильевич! Скажите, какую дадите вы ему песенку? — обратился Белинский к Кольцову.

Поэт-прасол, по скромной и застенчивой своей натуре, сначала сконфузился:

— Да почто же мне им еще назначать-то? Они лучше моего знают, что годится для музыки; сами выберут.

Наконец, однако же, он сказал, что любимое его произве-

дение есть стихи: «Не шуми ты, рожь, спелым колосом».

— В нее-то всю душу свою я вылил! — прибавил он, и глаза у него невольно покрылись влагою.

Это стихотворение, по замечанию Арнольда, написано было Кольцовым на смерть своей невесты. И уж, конечно же, Белинский о том должен был знать, рекомендовать стихи-песни для музыки. А если мы станем перечитывать «Былое и думы» А. И. Герцена, то и там найдем мысли о единстве творческих взглядов Белинского и Кольцова.

В самом деле. Вот что отметил Герцен: «Белинский был очень застенчив и вообще терпелся в незнакомом обществе или в очень многочисленном; он знал это и, желая скрыть, делал пресмешные вещи.

...Но в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладнаторская натура! Да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор». И далее Герцен вспоминает, как на одном литературно-дипломатическом вечере князя Одоевского Белинский восстал за честь Чаадаева и Кольцова. А сражаться в то время за такие имена — значило быть неистовым не только в мыслях, но и в делах-поступках. Белинский был рожден на это. Он шел рука об руку с Герценом-революционером.

Белинского всегда интересовали «внутренние качества» человека, а не внешняя сторона в нем. В той сумме всех качеств, которыми обладал А. В. Кольцов, и скрывалась, по-видимому, любовь и дружба Виссариона Григорьевича к поэту.

...Сколько лет минуло, сколько поэтов и критиков сквозь жизнь прошло, но имена Белинского и Кольцова с новой и новой страстью изучаются, запоминаются.

Творчество Белинского — это революционный меч, удар молнии, несущие свободу труду и освобождение от всякого рабства. Жизнь Белинского — факел света и разума. Он, как национальный герой — защитник нашего Отечества, бесмертен. Творчество его шагает через века.

Василий ЧИРИКОВ.